

ИНСТИТУТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

Мартин Ли
ФАШИЗМ
РЕИНКАРНАЦИЯ

**От генералов Гитлера
до современных неонацистов
и правых экстремистов**

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2017

УДК 327.8
ББК 66.4(0)
Л55

Martin A. Lee
The Beast Reawakens: Fascism's Resurgence From Hitler's Spymasters to Today's
Neo-Nazi Groups and Right-Wing Extremists
Routledge (Taylor & Francis Group LLC), 2000

Ли, Мартин

Л55 Фашизм: реинкарнация. От генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов / Пер. с англ. А. Ю. Колгашкина под ред. Е. В. Гориной. — М.: Кучково поле, 2017. — 512 с. (Серия «Реальная политика»)

ISBN 978-5-9950-0802-6

Западный фашизм 1930-х годов обновил свои формы и методы и вновь пытается захватить Россию. Книга «Фашизм: реинкарнация» дает самое полное обозрение эволюции «нового» фашизма в период «холодной войны» и после распада Советского Союза. Параллели с сегодняшним днем — откровенные и пугающие. Американский исследователь Мартин Ли раскрывает средства маскировки и смыслы обновленной идеологии, стратегию и тактику лидеров, организационные структуры и ресурсы. Автор показывает, как «старые» фашисты камуфлировались в новые понятия, брали новые темы, создавали новый язык. Криптофашизм — замаскированный, зашифрованный фашизм — теперь идет во власть.

УДК 327.8
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-9950-0802-6

© Taylor & Francis Group, 2000
© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», издание на русском языке, название серии, 2017
© ООО «Кучково поле», оригинал-макет, художественное оформление, 2017

Глава 8

ТЕНЬ С ВОСТОКА

«Пруссия жива!»

17 августа 1991 года, когда часы пробили полночь, гроб с останками Фридриха Великого занял свое законное место упокоения во дворце Сан-Суси близ Потсдама. Возвращение короля домой было обставлено подобающим ритуалом — черные конные экипажи, имперские флаги, военный почетный караул, прямая трансляция по германскому телевидению. Канцлер Гельмут Коль и с ним еще 80 тысяч человек пришли отдать дань памяти легендарному прусскому правителю, значительно расширившему королевство с 1740 по 1786 год. Некоторые зеваки одобрительно кивали при виде плаката «Пруссия жива!» Богато украшенная и пышная церемония ознаменовала собой окончание долгих скитаний тела Старого Фрица, останки которого в последние дни Второй мировой войны были вывезены в Западную Германию, чтобы предотвратить их захват советскими оккупационными войсками. Крах коммунистического режима Восточной Германии проложил Фридриху обратный путь в фамильную усыпальницу.

Экзгумация и перезахоронение воинственного прусского владыки вызвали недоумение у тех, кого тревожили реваншистские тенденции в новой Германии. Некоторые полагали, что подобное обожествление мертвых будет превратно истолковано неонацистами и прочими правыми экстремистами. В этих кругах Фридрих считался культовой фигурой по причине своих военных достижений. Он часто вторгался в чужие земли, хвастался тем, что «проглотил

Силезию, как артишок». Превознося Фридриха Великого как яркий символ тевтонского духа, Адольф Гитлер в 1933 году специально приехал в Потсдам, чтобы на могиле покойного короля провозгласить создание Третьего рейха.

Чествуя Фридриха Великого менее чем через год после объединения Германии, правительство канцлера Коля оживило дискуссии о постыдном прошлом: король оставил после себя двойное наследство, олицетворявшее и лучшие, и худшие немецкие традиции. Наряду с ведением экспансионистских войн Фридрих защищал евреев и другие религиозные меньшинства, запретил пытки, покровительствовал искусствам, сочинял музыкальные симфонии, был другом Гете и Вольтера (как утверждалось, с последним Фридрих вступал в интимную связь). Вместо того чтобы демонизировать монарха, Коля настаивал на том, чтобы немцы приняли обе стороны этой противоречивой фигуры — эстета и воина — и таким образом разобрались в своей непростой истории. Однако скептики задавались вопросом, возможно ли это сделать, не превознося насилие и милитаризм. «Многие немцы уже не чувствуют связь между вчерашним и сегодняшним днем, и это безразличие может оказаться опасным», — заявлял историк Хайнц Кноблех⁸⁶.

По символическому стечению обстоятельств через два дня после того, как Старый Фриц наконец-то обрел покой (очевидно, в последний раз), советские сторонники жесткого курса предприняли неудачную попытку свержения Михаила Горбачева и его правительства. Хотя путч потерпел фиаско, он засвидетельствовал смертельную болезнь Советского Союза. К концу года президент России Борис Ельцин отодвинул Горбачева в сторону и объявил о кончине некогда могущественного СССР. Внезапный коллапс державы, после которого на ее территории осталось 15 независимых государств, привел к огромному вакууму власти на континенте. Вакууму, который суждено было заполнить объединенной Германии — благодаря ее центральному положению на континенте и экономической мощи. Более не стесненная границами Атлантического блока, Германия должна была вновь стать верховным судьей в Mitteleuropa (Центральной Европе). Эта геополитическая структура была в спячке, пока Федеративная Республика в годы «холодной войны» являлась пограничным государством. Региональная гегемония Германии, произошло это сознательно или нет, стала свершившимся фактом. «Центральная Европа вновь будет сильно пахнуть Германией, — заметил отставной сотрудник Госдепартамента Дуглас Джонс. — Эта страна, пусть даже непреднамеренно, может стать серьезным дестабилизирующим фактором»⁸⁷.

Некоторые эксперты американской разведки ощущали наследственную тягу Германии к экспансионизму, полагая, что судьба страны определяется ее географическим положением. На основании подобного тезиса один

из аналитиков ЦРУ предсказал, что к концу века Германия не сможет удержаться, чтобы не порвать швартовы, связывающие ее с Западом, и не отправиться в новую серию авантур в духе Бисмарка. В прошлом германский «Drang nach Osten» — натиск на Восток — осуществлялся с помощью военной силы. Однако среди немецких националистов ранней постсоветской эпохи преобладала уверенность, что задачу, оказавшуюся в свое время не по плечу вермахту, выполнит германская марка. В силу высокой стоимости объединения Германия инвестировала средства в этот процесс не безоглядно, а руководствуясь стратегическими соображениями. Внимание было сосредоточено на ключевых областях: поставка энергоресурсов, транспорт, телекоммуникации и средства массовой информации. Германские экономические завоевания трансформировались в необходимость более масштабного политического влияния. Хозяйские замашки проявились и в требовании Германии предоставить ей место в Совете Безопасности ООН, и в настойчивых попытках сделать немецкий язык одним из официальных языков ЕС⁸⁸.

Вновь обретенная напористость Германии проявилась и в военной области. Якобы отреагировав на события на территории бывшей Югославии, германский Конституционный суд в июле 1994 года принял решение, что немецкие вооруженные силы могут принимать участие в военных операциях и помимо НАТО. «Это решение предоставило Германии свободу действий на внешнеполитической арене. Тормоза, сдерживавшего нас, больше нет», — заявил министр иностранных дел Клаус Кинкель, ранее возглавлявший западногерманскую спецслужбу BND. Хотя немецкие официальные лица публично заверили в том, что их страна не будет придерживаться интервенционистской или милитаристской внешней политики, министр обороны Фолькер Рюэ заявил в опубликованной в 1994 году «Белой книге», что отныне немецкая армия будет служить «инструментом внешней политики»⁸⁹.

К этому времени Германия стала вторым по объемам экспортером оружия в мире, уступая только Соединенным Штатам. Поглотив армию Восточной Германии, Федеративная Республика сократила численность своих вооруженных сил до 350 тысяч человек, оставшись крупнейшей армией Европы. Германия вернула себе статус важнейшей военной державы континента благодаря политикам США и НАТО, искавшим помощи Бонна в защите Западной Европы от СССР в годы «холодной войны». Хотя, как предполагалось, НАТО должна была сдерживать как Германию, так и Россию, она оказалась средством восстановления военной мощи Германии. Теперь, когда противостояние сверхдержав завершилось, немецкие лидеры продемонстрировали свою готовность создать новые структуры безопасности, уже вне

рамок НАТО. Эти планы включали создание европейских вооруженных сил, состоявших на первом этапе из 35 тысяч французских и немецких солдат. Подобные планы вызвали беспокойство официальных кругов США, пытавшихся помешать восстановлению национального характера военной политики Германии. Еще одной сферой беспокойства Соединенных Штатов стала программа немецких исследований в области ядерных вооружений. Идеи «мозговых центров» немецких военных были высказаны издателем журнала «Шпигель» Рудольфом Аугштайном, заявившим о возможности возникновения ситуации, когда Германия будет вынуждена обзавестись собственным ядерным оружием, «незвизрая на существующие международные договоры»⁹⁰.

Генерал Клаус Науманн, первый военный руководитель объединенной Германии, хотел превратить свою армию в независимую военную силу с «психологией победителей». Описываемый газетой «Die Zeit» как человек «со склонностью к фанатизму», Науманн стал движущей силой новой наступательной стратегии бундесвера, в центре которой была «стратегическая бдительность, а не пассивное реагирование на военную угрозу». Отставной немецкий адмирал Эльмар Шмалинг публично обвинил Науманна в подготовке военной агрессии по образцу его прусских предшественников⁹¹.

Переход к агрессивной военной позиции совпал по времени с официально одобренными усилиями по переоценке военных достижений нацистов. Науманн настаивал на внесении изменений в старый западногерманский закон об обороне, который гласил: «Связь традиций бундесвера с гитлеровским вермахтом как государственным институтом невозможна». Под руководством Науманна такая связь была не только возможна, но даже желаемая. Подобная смена взглядов нашла свое отражение и в издании «Европейская безопасность» («Europäische Sicherheit»), тесно связанном с немецкой армией. Там говорилось о необходимости «найти общую основу с поколениями наших отцов и дедов, что является совершенно естественным в других странах». Поэтому бундесвер не будет «отделять себя от корней, самоотверженно посаженных в землю нашими предшественниками из вермахта, ибо эти корни уходят глубоко в прошлое и в военную историю Германии»⁹².

В рамках новых усилий по «созданию традиций» бундесвер заявил, что на могильных камнях немецких военнослужащих обязательно указание их звания (включая войска SS). Данное решение распространялось и на военные захоронения в Центральной и Восточной Европе. Генерал Науманн высказался относительно этого с деревенской прямоотой: «Восточноевропейские страны, возражающие против этого решения, узнают на себе, что такое тиски для пальцев, поскольку зависят от нашей крупномасштабной экономической помощи»⁹³.

На самом деле разрыва с нацистским прошлым никогда не происходило. Необходимо учитывать, что первоначально руководство западногерманского бундесвера было набрано из высших эшелонов гитлеровской армии. В 1976 году только трое из 217 генералов бундесвера не были ветеранами Третьего рейха, а 37 военных баз в Боннской республике были названы в честь военнослужащих, прославившихся во времена Гитлера. При согласии Науманна бундесвер одобрил проведение слета, организованного Ассоциацией кавалеров ордена Рыцарского креста Железного креста (Ordensgemeinschaft der Ritterkreuzträger). Церемония прошла 16 октября 1993 года в замке Целле. На нее собралось свыше 100 из оставшихся в живых 800 нацистов, лично отобранных фюрером для вручения высшей награды вермахта за мужество. Несколько несгибаемых ветеранов, воздававших почести своим ушедшим соратникам, приветствовали друг друга нацистским салютом. Собранных встречал военный оркестр, а делегация 334-й танковой дивизии бундесвера возложила памятный венок в честь тех, кто сражался за Третий рейх⁹⁴.

Объясняя, почему бундесвер оказал содействие в проведении подобного мероприятия, его официальный представитель заявил, что Ассоциация кавалеров Рыцарского креста «олицетворяла традиционные солдатские достоинства — верность, дружбу, смелость и дисциплину... качества, полезные и для нас». Организация сварливых ветеранов и сама воспитывала правый экстремизм и реваншизм. В бюллетене, изданном для членов организации, рассуждалось о вине Франклина Рузвельта и Черчилля в развязывании Второй мировой войны. Он также обвинял союзников в том, что из-за них Германия утратила свои восточные территории, которые теперь намерены вернуть старые и молодые германские нацисты.

Официальные попытки привить солдатам чувство патриотизма могли стать еще одним стимулом к росту экстремистских настроений в германских вооруженных силах. Военнослужащие имели очевидные пробелы в исторических и политических знаниях, особенно касающиеся периода Второй мировой войны. Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что военные привлекали членов ультраправых «Республиканцев» для политической подготовки новобранцев и для обучения их истории. «Единственное преступление Германии заключалось в том, что она проиграла две мировые войны», — заявил глава «Республиканцев» Франц Шёнхубер, хвалившийся своими связями среди высокопоставленных офицеров бундесвера⁹⁵.

Кристиан Краузе, чей отец в начале 1990-х годов был членом кабинета канцлера Гельмута Коля, утверждал, что, будучи призванным на десятимесячную военную службу, столкнулся с многочисленными проявлениями неонацизма. «Во время праздников всегда произносился тост в честь Гитле-

ра, — рассказывал Краузе, — а выпив, многие офицеры начинали обмениваться нацистским приветствием, выкрикивая “Зиг хайль!”» Ряд сообщений показывал, что в немецкой армии процветал черный рынок, где продавались сборники эсэсовских песен, «Mein Kampf» Гитлера, музыка скинхедов, флаги со свастикой и прочая противозаконная нацистская атрибутика. Подобные вещи можно было приобрести в казармах Франца-Йозефа Штрауса в Баварии. Там солдаты отмечали день рождения Гитлера, распевая нацистские гимны и просматривая пропагандистские фильмы времен Третьего рейха. «Было совершенно ясно, что некоторые из наших командиров хотели привить молодым солдатам традиции вермахта», — рассказал журналистам журнала «Штерн» один из проходивших подобное обучение.

В 1992 году находившиеся на действительной службе военнослужащие стали участниками 68 связанных с неонацистами происшествий, в результате чего погибли три человека; более чем в 10 случаях немецкие солдаты применяли свое оружие против иностранцев. В этом же году опрос, проведенный собственной социологической службой бундесвера, выявил, что армия «становится все более популярной среди молодых людей, слабо или вовсе не интересующихся демократическими ценностями». Это частично объяснялось пробелами в немецком законодательстве, позволявшем трети населения выбирать вместо военной гражданскую службу. Вследствие этого в армии собирались люди с более консервативными убеждениями, нежели в обществе в целом. Другим фактором было то, что фашистские группы побуждали своих членов идти в армию, чтобы приобрести там необходимую военную подготовку. Сама атмосфера боевой подготовки после окончания «холодной войны» стала намного жестче. Об этом свидетельствует случай с немецким военным инструктором, на вопрос которого «От чего растет трава?» его подчиненные должны были хором выкрикивать: «Кровь, кровь, кровь»⁹⁶.

Узнав, что некоторые из его подчиненных присоединились к неонацистским бандам, генерал Науманн демонстративно осудил проявления расизма и антисемитизма. Он также посетил мемориал «Яд Вашем» в Иерусалиме, чтобы почтить память жертв Холокоста. В других случаях он вел себя по-иному. После объединения Германии он с энтузиазмом заявил своему Генеральному штабу о том, что они достигли конца исторической эпохи, начавшейся не в 1945, но «в 1789 году, когда произошла Французская революция». Его стремление разделиться с демократическими принципами «свободы, равенства и братства» не могло не напомнить о знаменитом замечании Йозефа Геббельса: задачей национал-социализма является «стереть 1789 год из германской истории»⁹⁷.

Антипатию Науманна к 1789 году разделяли и теоретики «Новых правых», возглавивших идейное наступление на либерализм в Германии, начав-

шеся после окончания «холодной войны». Возникшие в «мертвый сезон» неофашизма, немецкие «Новые правые» до падения Берлинской стены оставались достаточно маргинальным явлением. Затем, оживившись, они попытались покорить интеллектуальные высоты. Их основным рупором стал качественно издаваемый и хорошо финансируемый еженедельник «Молодая свобода» («Junge Freiheit»).

Основанный в 1986 году девятнадцатилетним Дитером Штайном (Dieter Stein), еженедельник «Молодая свобода» опубликовал несколько статей и интервью руководителя GRECE («Группа изучения европейской цивилизации») Алена де Бенуа. Однако германские «Новые правые» не соглашались с некоторыми из последних идей де Бенуа, в частности, о том, что классическое национальное государство не имеет будущего. Для них было принципиально важно искупление ультранационализма. Они хотели реабилитировать дискредитированных мыслителей Консервативной революции 1920-х годов. Издание было полно мемориальных материалов, посвященных Эрнсту Юнгеру, Карлу Шмитту, Освальду Шпенглеру и прочим антидемократическим идеологам, превозносившим языческие истоки немецкой культуры и содействовавшим приходу Гитлера к власти⁹⁸.

Для Штайна и других интеллектуалов «Новых правых» главным врагом всегда оставалось в первую очередь американское общество потребления, а не коммунизм. С крахом советского блока Соединенные Штаты стали единственным врагом — эта ситуация была очень благоприятна для «Молодой свободы», пытавшейся завоевать сердца и умы широких масс. Как и его фашистские предшественники времен Консервативной революции, он отвергал парламентскую демократию как чуждую форму правления и подчеркивал необходимость для немцев вновь открыть свою истинную идентичность, вспомнив о былой славе и ослабив связи с Западом.

Редакционные статьи Штайна в пользу независимой военной политики Германии с удовлетворением воспринимались руководством бундесвера. В нескольких случаях статьи из еженедельника перепечатывались немецкими военными изданиями. «Молодая свобода» также публиковала работы ультраправого историка Эрнста Нольте (Ernst Nolte), считавшего преступления Гитлера защитной реакцией на советский коммунизм⁹⁹.

Еженедельник «Молодая свобода» пользовался особой популярностью в немецких и австрийских университетах, где возрождались ультраправые студенческие общества, так называемые «братства» (Burschenschaften). Известные своим злобным национализмом, эти объединявшие исключительно мужчин содружества выпивохов пропагандировали дуэли на саблях без защитных масок, оставлявшие отметины на многих практиковавших эту «мужскую» забаву.

(Аналогичным образом получил свое увечье и Отто Скорцени.) По данным социолога Герхарда Шафера из Бремена, «заметное меньшинство членов *Burschenschaften* может быть отнесено к неофашистам». Некоторые из этих сообществ дуэлянтов оказывали материальную поддержку еженедельнику «Молодая свобода». Студенты, вступавшие в «братства», зачастую разделяли те же пангерманские воззрения, что и еженедельник «Молодая свобода», рекламировавшийся в Австрии как «газета для Австрии и остальной Германии»¹⁰⁰.

Штайн, однако, отрицал любые связи со скинхедами и неонацистами, даже невзирая на то, что некоторые редакторы еженедельника происходили из организаций, связанных с Михаэлем Кюненом. Практически ежедневно в Германии происходили нападения на иностранцев, но Штайн утверждал, что угроза неонацистского насилия сильно преувеличивается средствами массовой информации. «Немцы проявляют крайнюю сдержанность, не нападая на иностранцев», — уверял он¹⁰¹.

Штайн также пытался дистанцироваться от неонацистского подполья, чтобы не подорвать усилия «Молодой свободы» по налаживанию связей с националистически мыслящими представителями политических и деловых кругов. Однако ему не удалось обмануть министра внутренних дел земли Северный Рейн — Вестфалия Герберта Шнора (Herbert Schnoor). «В отличие от правых экстремистов старого времени, я считаю “Новых правых” более опасными», — заявил он. Шнор предупреждал, что реакционно мыслящая интеллигенция пытается насадить авторитарную атмосферу в немецких студенческих городках. «Они действуют так умело, что человек даже не замечает, как попал в их сети, — заявлял Шнор. — Возможно, им удастся сдвинуть демократические партии вправо»¹⁰².

Смущенный Штайн продолжал призывать к восстановлению Германии в границах 1937 года. «Германия — это Гулливер, с которого срезали путы, — говорил он. — Просто Гулливер еще этого не заметил»¹⁰³.

Территориальный императив

Когда представителю правительства был задан вопрос об официальном германском календаре на 1993 год, он назвал его ошибкой, сделанной в спешке. Изданный и распространявшийся Министерством внутренних дел крупноформатный календарь представлял фото различных «немецких» городов — по одному на месяц. Однако два изображенных города находились в Польше, а третий был столицей только что ставшей независимой Эстонии. Несмотря на последовавшее веселье, сверху поступили указания

не убирать вызвавший такую реакцию календарь из тысяч немецких школ и колледжей¹⁰⁴.

Инцидент с календарем вряд ли можно назвать аномалией для пережившей «холодную войну» Германии, где призывы к «исправлению границ» стали совершенно обыденным явлением. «Путешествуя по стране и беседуя с представителями низовых партийных организаций, понимаешь, сколь сильно там влияние “Новых правых”», — заметил депутат Бундестага от христианских демократов Фридберт Пфлюгер. Он признал, что в ходе многих проводившихся им встреч «поднимался вопрос о западной границе Польши и выдвигались требования о возврате Силезии и Восточной Пруссии». Высокопоставленные немецкие официальные лица достаточно спокойно говорили о «Центральной Германии», имея в виду территории бывшей коммунистической Восточной Германии. В телевизионном обращении к немецким студенческим сообществам Вольфганг Шойбле (второй человек после Коля и его явный преемник) заявил о территории, некогда бывшей «востоком Германии», что на самом деле «она находится в центре Германии». Продвигая эту опасную точку зрения, Шойбле и его коллеги поддерживали неонацистов, настаивавших, что земли к востоку от объединенной Германии принадлежат фатерланду¹⁰⁵.

В отличие от внепарламентских неонацистов, официальные лица Германии имели возможность подкрепить свои реваншистские рассуждения значительными финансовыми средствами. В начале 1990-х годов федеральный бюджет Германии, отдельной позицией в котором указывалась «Центральная Германия» (Mitteldeutschland), подразумевавшая территорию бывшей ГДР, щедро выделял средства для «Союза изгнанных» (Bund der Vertriebenen), зонтичной организации с десятками филиалов, разделявшей мнение неонацистов о том, что Германия должна восстановить свои «истинные этнические границы». Они мечтали о «Великой Германии», которая охватит не только значительные территории на Востоке, но также немецкие анклавы во Франции, Бельгии, Австрии и североитальянском Южном Тироле¹⁰⁶.

После Второй мировой войны свыше 11 миллионов немцев были изгнаны из домов, располагавшихся в спорных восточных зонах, где границы перемещались с места на место в течение многих веков. Когда прежние немецкие территории вошли в состав советского блока, озлобленные изгнанники стали естественными союзниками ЦРУ и «Организации Гелена» и начали вербовать агентов из числа перемещенных лиц. Ряд организаций «изгнанных», возникших в начале 1950-х годов, возглавлялись бывшими офицерами SS. Эти воинствующие изгнанники и их потомки создали в Западной Германии

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие от издателей	5
Благодарности	12
Предисловие	14
Введение	40
Часть I. Слишком много шпионов	49
Глава 1. Смена союзов	49
<i>Лицо со шрамом</i>	49
<i>Эндишиль</i>	52
<i>Критический вакуум</i>	80
<i>Гамбит Гелена</i>	66
<i>Дело ODESSA армии США</i>	73
Глава 2. Стратегия качелей	79
<i>Телохранилитель Гитлера</i>	79
<i>Реставрация</i>	85
<i>Мадридское изгнание</i>	91
<i>Розыгрыш восточной карты</i>	95
<i>Шпион, не вернувшийся назад</i>	103
<i>Золотые наручники</i>	109
Глава 3. Неонацистская диаспора	116
<i>Вотан в психушке</i>	116
<i>Человек со множеством псевдонимов</i>	122
<i>Фронт освобождения Европы</i>	128
<i>Раскаты пражского грома</i>	132
<i>Воздушный ас</i>	138
Часть II. Солдаты политики	148
Глава 4. Свастика и полумесяц	148
<i>Переворот в Каире</i>	148
<i>Фашистская Мекка</i>	153
<i>Происки двойного агента</i>	158

<i>Гнев «Красной руки»</i>	165
<i>Процессы и другие бедствия</i>	173
Глава 5. Ностальгирующие и ревизионисты	181
<i>Культ инквизитора</i>	181
<i>Политика «Белой силы»</i>	186
<i>Китайский вариант</i>	194
<i>Флирт с левыми</i>	201
<i>Сумерки идолов</i>	206
Глава 6. Надвигающаяся буря	213
<i>Отброшенное табу</i>	213
<i>Армии правых</i>	220
<i>«Новые правые» со старыми приемами</i>	227
<i>«Коричневые» и «зеленые»</i>	232
<i>Политика отрицания</i>	240
<i>Перед потоком</i>	248
Часть III. Фашизм после холодной войны	252
Глава 7. Воссоединение Германии	252
<i>Катарсис</i>	252
<i>Паравоенные формирования и отравляющий газ</i>	259
<i>Воспитание нового фюрера</i>	265
<i>Кадровое строительство</i>	271
<i>Немецкая банда</i>	277
<i>Капитуляция</i>	284
Глава 8. Тень с Востока	294
<i>«Пруссия жива!»</i>	294
<i>Территориальный императив</i>	301
<i>Балканская топка</i>	308
<i>Флирт с матушкой-Россией</i>	314
<i>Приход национал-большевиков</i>	320
<i>Мечты о новом Рапалло</i>	329
Глава 9. Из маргиналов в мейнстрим	337
<i>Игра с огнем</i>	337
<i>Арийские махинации</i>	343
<i>Дорога в Оклахома-Сити</i>	350
<i>Христианские патриоты движутся вперед</i>	360
<i>Тяжелая доля бедного иммигранта</i>	367
<i>Пятьдесят лет спустя</i>	377
Заключение	387
Примечания	395
Библиография	494
Указатель	504